

Владимир
МАЯКОВСКИЙ

Владимир МАЯКОВСКИЙ

БОЛЬШОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ И ПОЭМ
В ОДНОМ ТОМЕ

2018
МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
М39

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Маяковский, Владимир Владимирович.

М39 Большое собрание стихотворений и поэм в одном томе / Владимир Маяковский. — Москва : Эксмо, 2018. — 1312 с. — (Полное собрание сочинений).

ISBN 978-5-04-095610-4

Владимир Маяковский ворвался в русскую поэзию XX века, ослепляя современников оригинальностью стихотворных строк, азартом, необычностью, яркостью, «пожаром сердца». Певец революции, страстный бунтарь и тонкий лирик, Маяковский принадлежит к числу титанических фигур русского искусства.

Книга представляет наиболее полное собрание стихотворений и поэм В. Маяковского.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

Стихотворения

СТИХОТВОРЕНИЯ 1912—1917 ГОДОВ

Ночь

Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты.

Бульварам и площади было не странно
увидеть на зданиях синие тоги.
И раньше бегущим, как желтые раны,
огни обручали браслетами ноги.

Толпа — пестрошерстая быстрая кошка —
плыла, изгибаясь, дверями влекома;
каждый хотел протащить хоть немножко
громаду из смеха отлитого кома.

Я, чувствуя платя зовущие лапы,
в глаза им улыбку протиснул; пугая
ударами в жесть, хохотали арапы,
над лбом расцветивши крыло попугая.

[1912]

УТРО

Угрюмый дождь скосил глаза.
А за
решеткой
четкой
железной мысли проводов —
перина.
И на
нее
встающих звезд
легко оперлись ноги.
Но ги-
бель фонарей,
царей
в короне газа,
для глаза

сделала больней
 враждующий букет бульварных проституток.
 И жуток
 шуток
 клюющий смех —
 из желтых
 ядовитых роз
 возрос
 зигзагом.
 За гам
 и жуть
 взглянуть
 отрадно глазу:
 раба
 крестов
 страдающе-спокойно-безразличных,
 гроба
 домов
 публичных
 восток бросал в одну пылающую вазу.

[1912]

ПОРТ

Простыни вод под брюхом были.
 Их рвал на волны белый зуб.
 Был вой трубы — как будто лили
 любовь и похоть медью труб.
 Прижались лодки в люльках входов
 к сосцам железных матерей.
 В ушах оглохших пароходов
 горели серьги якорей.

[1912]

УЛИЧНОЕ

В шатрах, истертых ликом цвель где,
 из ран лотков сочилась клюква,
 а сквозь меня на лунном сельде
 скакала крашенная буква.

Вбиваю гудко шага сваи,
 бросаю в бубны улиц дробь я.
 Ходьбой усталые трамваи
 скрестили блещущие копы.

Подняв рукой единый глаз,
 кривая площадь кралась близко.
 Смотрело небо в белый газ
 лицом безглазым василиска.

[1913]

ИЗ УЛИЦЫ В УЛИЦУ

У-
лица.
Лица
у
догов
годов
рез-
че.
Че-
рез
железных коней
с окон бегущих домов
прыгнули первые кубы.
Лебеди шей колокольных,
гнитесь в силках проводов!
В небе жирафий рисунок готов
выпестрить ржавые чубы.
Пестр, как форель,
сын
безузорной пашни.
Фокусник
рельсы
тянет из пасти трамвая,
скрыт циферблатами башни.
Мы завоеваны!
Ванны.
Души.
Лифт.

Лиф души расстегнули,
Тело жгут руки.
Кричи, не кричи:
«Я не хотела!» —
резок
жгут
муки.
Ветер колючий
трубе
вырывает
дымчатой шерсти клок.
Лысый фонарь
сладоострастно снимает
с улицы
черный чулок.

[1913]

А ВЫ МОГЛИ БЫ?
Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;

я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

[1913]

ВЫВЕСКАМ

Читайте железные книги!
Под флейту золоченой буквы
полезут копченые сиги
и золотокудрые брюквы.

А если веселостью песней
закружат созвездия «Магги» —
бюро похоронных процессий
свои проведут саркофаги.

Когда же, хмур и плачевен,
загасит фонарные знаки,
влюбляйтесь под небом харчевен
в фаянсовых чайников маки!

[1913]

ТЕАТРЫ

Рассказ о взлезших на подмосток
аршинной буквою графишь,
и заывают в вечер с досок
зрачки малеванных афиш.

Автомобиль подкрасил губы
у блеклой женщины Карьера,
а с прилетавших рвали шубы
два огневые фокстерьера.

И лишь светящаяся груша
о тень сломала копыя драки,
на ветке лож с цветами плюша
повисли тягостные фраки.

[1913]

КОЕ-ЧТО ПРО ПЕТЕРБУРГ

Слезают слезы с крыши в трубы,
к руке реки чертя полоски;
а в неба свисшиеся губы
воткнули каменные соски.

И небу — стихши — ясно стало:
туда, где моря блещет блюдо,
сырой погонщик гнал устало
Невы двугорбого верблюда.

[1913]

ЗА ЖЕНЩИНОЙ

Раздвинув локтем тумана дрожи,
цедил белила из черной фляжки
и, бросив в небо косые вожжи,
качался в тучах, седой и тяжкий.

В расплаве меди домов полуца,
дрожа́нья улиц едва хранимы,
дразнимы красным покровом блуда,
рогами в небо вонзались дымы.

Вулканы-бедрa за льдами платий,
колосья грудей для жатвы спелы.
От тротуаров с ужимкой татьей
ревниво взвились тупые стрелы.

Вспугнув копытом молитвы высей,
арканом в небе поймали бога
и, ошипавши с улыбкой крысьей,
глумясь, тащили сквозь щель порога.

Восток заметил их в переулке,
гримасу неба отбросил выше
и, выдрав солнце из черной сумки,
ударил с злобой по ребрам крыши.

[1913]

Я

По мостовой
моей души изъезженной
шаги помешанных
вьют жестких фраз пяты.
Где города
повешены
и в петле о́блака
застыли
башен
кривые выи —
иду
один рыдать,
что перекрестком
ра́спяты
городовые.

[1913]

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕЙ ЖЕНЕ

Морей неведомых далеким пляжем
 идет луна —
 жена моя.
 Моя любовница рыжеволосая.
 За экипажем
 крикливо тянется толпа созвездий пестрополося.
 Венчается автомобильным гаражем,
 целуется газетными кносками,
 а шлейфа млечный путь моргающим пажем
 украшен мишурными блестками.
 А я?
 Несло же, палимому, бровей коромысло
 из глаз колодцев студеные ведра.
 В шелках озерных ты висла,
 янтарной скрипкой пели бедра?
 В края, где злоба крыш,
 не кинешь блестящей лесни.
 В бульварах я тону, тоской песков оваян:
 ведь это ж дочь твоя —
 моя песня
 в чулке ажурном
 у кофеен!

[1913]

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОЕЙ МАМЕ

У меня есть мама на васильковых обоях.
 А я гуляю в пестрых павах,
 вихрастые ромашки, шагом меряя, мучу.
 Заиграет вечер на гобоях ржавых,
 подхожу к окошку,
 веря,
 что увижу опять
 севшую
 на дом
 тучу.
 А у мамы больной
 пробегает народа шорохи
 от кровати до угла пустого.
 Мама знает —
 это мысли сумасшедшей ворохи
 вылезают из-за крыш завода Шустова.
 И когда мой лоб, венчаный шляпой фетровой,
 окровавит гаснущая рама,
 я скажу,
 раздвинув басом ветра вой:
 «Мама.
 Если станет жалко мне

вазы вашей муки,
сбитой кабдуками облачного танца, —
кто же изласкает золотые руки,
вывеской заломленные у витрин Аванцо?..»

[1913]

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБО МНЕ САМОМ

Я люблю смотреть, как умирают дети.
Вы прибой смеха мгlistый вал заметили
за тоски хоботом?
А я —
в читальне улиц —
так часто перелистывал грóба том.
Полночь
промокшими пальцами щупала
меня
и забитый забор,
и с каплями ливня на лысине купола
скакал сумасшедший собор.
Я вижу, Христос из иконы бежал,
хитона оветренный край
целовала, плача, слякоть.
Кричу кирпичу,
слов исступленных вонзаю кинжал
в неба распухшего мякоть:
«Солнце!
Отец мой!
Сжался хоть ты и не мучай!
Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою дальней.
Это душа моя
клочьями порванной тучи
в выжженном небе
на ржавом кресте колокольни!

Время!
Хоть ты, хромой богомаз,
лик намалюй мой
в божницу уродца века!
Я одинок, как последний глаз
у идущего к слепым человека!»

[1913]

ИСЧЕРПЫВАЮЩАЯ КАРТИНА ВЕСНЫ

Листочки.
После строчек лис —
точки.

[1913]

ОТ УСТАЛОСТИ

Земля!

Дай исцелую твою лысеющую голову
лохмотьями губ моих в пятнах чужих позолот.
Дымом волос над пожарами глаз из олова
дай обовью я впалые груди болот.
Ты! Нас — двое,
ораненных, загнанных ланями,
вздыбилось ржанье оседланных смертью коней.
Дым из-за дома догонит нас длинными дланями,
мутью озлобив глаза догнивающих в ливнях огней.
Сестра моя!
В богадельнях идущих веков,
может быть, мать мне сыщется;
бросил я ей окровавленный песнями рог.
Квакая, скачет по полю
канава, зеленая сыщица,
нас заневолить
веревками грязных дорог.

[1913]

ЛЮБОВЬ

Девушка пугливо куталась в болото,
ширились зловеще лягушечьи мотивы,
в рельсах колебался рыжеватый кто-то,
и укорно в буклях проходили локомотивы.

В облачные пары сквозь солнечный угар
врезалось бешенство ветряной мазурки,
и вот я — озноенный июльский тротуар,
а женщина поцелуи бросает — окурки!

Бросьте города, глупые люди!
Идите голые лить на солнцепеке
пьяные вина в меха-груди,
дождь-поцелуи в угли-щеки.

[1913]

МЫ

Лезем земле под ресницами вылезших пальм
выколоть бельма пустынь,
на ссохшихся губах каналов —
дредноутов улыбки поймать.
Стынь, злоба!
На костер разожженных созвездий
взвесь не позволю мою одичавшую дряхлую мать.
Дорога — рог ада — пьяни грузовозов храпы!
Дымящиеся ноздри вулканов хмелем расширь!
Перья линияющих ангелов бросим любимым на шляпы,
будем хвосты на боа обрубить у комет, ковыляющих в ширь.

[1913]

ШУМИКИ, ШУМЫ И ШУМИЦЫ

По эхам города проносят шумы
на шепоте подошв и на громах колес,
а люди и лошади — это только грумы,
следящие линии убегающих кос.

Пронесят девоньки крохотные шумики.
Ящички гула пронесет грузовоз.
Рысак прошуршит в сетчатой тунике.
Трамвай расплещет перекааты гроз.

Все на площадь сквозь туннели пассажей
плывут каналами перекрещенных дум,
где мордой перекошенный, размалеванный сажей
на царство базаров коронован шум.

[1913]

АДИЩЕ ГОРОДА

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светамй адки.
Рыжие дьяволы, вздымались автомобилл,
над самым ухом взрывая гудки.

А там, под вывеской, где сельди из Керчи —
сбитый старикашка шарил очки
и заплакал, когда в вечереющем смерче
трамвай с разбега взметнул зрачки.

В дырах небоскребов, где горела руда
и железо поездов громоздило лаз —
крикнул аэроплан и упал туда,
где у раненого солнца вытекал глаз.

И тогда уже — скомкав фонарей одеяла —
ночь излюбилась, похабна и пьяна,
а за солнцами улиц где-то ковыляла
никому не нужная, дряблая луна.

[1913]

НАТЕ!

Через час отсюда в чистый переулок
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир,
а я вам открыл столько стихов шкатулок,
я — бесценных слов мот и транжир.

Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
где-то недокушанных, недоеденных шей;
вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей.